

Ал. П. Чехов

Рассказы

Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80--90-х годов: В 2-х т.-- М., Худож. лит., 1982.

Т. 1. Вступит. статья, сост. и коммент. С. В. Букчина.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

На маяке
Цепи
Бабье горе
Старый Махмутка

НА МАЯКЕ

Море бушевало и пенилось. Волны набегали одна на другую с белыми гребешками на спине и ударялись об отвесную скалу с такою силою, точно хотели во что бы то ни стало достать маленький домик, приютившийся у высокого маяка на верху скалы, и смыть его так, чтобы от него не осталось и камешка. Но домик и маяк стояли крепко. Брызги волн едва долетали только до фундамента. Дул сильный норд-ост. Чахлые деревца, посаженные вокруг маяка, гнулись и стонали под напором ветра. В домике хлопали ставни. А наверху, сзади, над горным хребтом, точно в насмешку, лениво ползли облака, ползли спокойно и тихо, и как будто назло бушующему ветру, шли в противную сторону. На море буря, а наверху -- тишь и гладь и даже обратное течение воздуха. Это явление знакомо кавказцам.

Маяк стоял одиноко на выступе скалы. До ближайшего поселка было одиннадцать верст где-то там, далеко за хребтом. Чтобы пройти туда, надо подняться на гору, пройти перевал и спуститься в долину. В маленьком домике, казавшемся пигмеем сравнительно с гигантом маяком, жил смотритель Лука Евсеевич с семнадцатилетнею дочерью и солдат Фейзулин. Более никого. Впереди море, сзади -- горы и ни одной живой души...

В эту бурю Лука Евсеевич стоял у фундамента маяка и смотрел в море. Ветер неистово трепал его платье и жидкие волосы на висках. Брызги волн налетали на него дождем; Он был без пиджака, в одной рубашке, но и рубашку расстегнул и обнажил грудь так, что на нее дождем падали соленые капли. После каждого удара волн он проводил рукою за пазухой, растирая воду, и повторял:

-- За что же, за что? Чем я тебя прогневал, господи?! Нет... надо, надо, надо... Нельзя томить чужую жизнь...

-- Фанар зажигать нада, ваш блародие,-- закричал у него над ухом солдат-татарин.

Лука Евсеевич не слышал. Шум моря заглушал человеческий голос.

-- Жалко, жалко, сердце с места сорвется, а надо...-- повторял он про себя...

-- Фанар, ваш блародие...

Лука Евсеевич вздрогнул и обернулся.

-- А?

-- Огонь, маяк... светить нада...

-- Это ты, Фейзулин?... Да, да, надо... свети, свети...-- очнулся Лука Евсеевич.-- Эка буря-то какая...

Он уставился на солдата и стал смотреть, как ветер трепал его волосы и фалдочки старого казенного мундирчика. Смотрел и ничего не понимал.